

Е.Ю. МЕЩЕРКИНА

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МАСКУЛИННОСТИ

МЕЩЕРКИНА Елена Юрьевна - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Теоретико-методологические предпосылки

Редкий социологический опрос обходится без пола как независимой переменной, которая замеряется и затем учитывается в последующей оценке и интерпретации. Это превращает пол в ресурс, социологическое содержание которого остается непроявленным. Пол редко становится топосом и чаще воспринимается в социологической исследовательской практике как имплицитное содержание повседневного сознания.

Полюсы, между которыми развивается дискурс социологии тендера, обозначены вехами общей социологической дискуссии: макро- и микро-, структура и действие. Попытки развить социологическую теорию маскулинности связаны прежде всего с изучением властных отношений в двух измерениях: не только в направлении подчинения женщины мужчиной, но и доминирования среди мужчин [6, 10, 13, 17]. В книге "Маскулинности" Коннелл упоминает три различных направления западной мысли, которые оказали влияние на социологию маскулинности [11]. К первому относится психоанализ Фрейда и студии Франкфуртской школы, которые дополнили психоаналитический фундамент социальным анализом. Второе теоретическое направление составил "полоролевой концепт" как представление о социальном поле с точки зрения приспособления к ролевым ожиданиям. Третье направление представлено междисциплинарным подходом, аккумулировавшим данные антропологии, истории, дискурсивного анализа. В русле этого подхода социальный пол толкуется как структура социальных отношений, как минимум властных отношений, со своими субкультурами, вопросом маргинализации и сопротивления. В качестве основных исследовательских техник здесь использовались методы этнографии и истории жизни, с помощью которых осуществлялась социальная реконструкция маскулинности в различных эпохах и локальных контекстах: мужская социализация на Папуа-Новая Гвинея [14, 5], частная английская школа [15], студия бодибилдинга [18] и другие. Несмотря на локальность упомянутых тем, их эмпирические результаты "уплотняли" определенные выводы относительно всего исследовательского дискурса маскулинности, которые резюмированы Коннеллом в следующих положениях [12]: Мы должны

говорить о маскулинности во множественном числе, поскольку не существует единственно представленного образца; различные маскулинности находятся в иерархических отношениях, в которых одни маскулинности доминантны, "гегемонны", другие подчинены или маргинализированы; мужские поведенческие образцы могут иметь "системный" характер или "систематическую конструкцию", поскольку маскулинности определяются коллективно и поддерживаются институционально, например, маскулинность военных, маскулинность криминального мира, байкеров, гомосексуалистов т.н. "кожаной сцены" и т.д.; мужское тело является аренной телесных практик, конструирующих социальный пол. И в этом плане телесное удовольствие, телесная дисциплина, телесные повреждения (шрамирование, пирсинг, тату и пр.) участвуют в отработке маскулинного телесного сценария; маскулинности возникают в процессе социального действия и активно производятся и воспроизводятся, отвечая на запрос определенного социального контекста; маскулинности представляют собой негомогенные и непростые способы бытия; маскулинности могут изменяться, поскольку социальные изменения подтягивают за собой и новые полоконнотативные практики.

На этом эмпирическом фоне интерес самого Коннелла к социальным институтам, властным отношениям, проблеме социального неравенства, классу, расе и этничности выглядит более чем социологичным. В рамках этого подхода социальная ситуация мужчины рассматривается как сочетание власти и безвластности, бессилия, хотя опыт частичного безвластия мужчины лишь отчасти сопоставим с систематическим подчинением женщины мужчиной. Понятие "гегемонической маскулинности", выдвинутое Коннеллом и отстаиваемая им позиция "теории практики", выгодно отличают его подход к построению теории социального пола - с собственным понятийным аппаратом, тезисом о тендере как центральной социально-структурной категории и фокусе на взаимоотношениях социального действия и социальной структуры. Социологизм концепции Коннелла, вобравшей положения теории капиталов Пьера Бурдьё и концепцию двойственности структур Энтони Гидденса, возникает на пересечении, с одной стороны, опытов, конструирующих действующего субъекта, и структур социальных отношений, с другой. Коннелл различает три фундаментальных структуры, в рамках которых организованы отношения полов: *труд (производство)*, *власть* и *либидинозное влечение* ("катексис"), среди которых *власть* является основополагающей категорией [11, р. 73]. В основе этих структур лежат различные принципы организации: разделение труда, неравная интеграция (подчинение одних другим) и эмоциональная связь соответственно. По Коннеллу, именно в рамках этих структур, обнаруживаемых эмпирически, воспроизводятся и проявляются отношения полов. Понятие гегемонии, почерпнутое им у Грамши, отражает суть мужского превосходства и выражается в сочетании авторитета и маскулинности, что, в свою очередь, предполагает не только практику взаимоотношений *между* полами, но и *внутри* полов (например, между мужчинами). Тем самым иерархия авторитетов смещается внутрь доминирующего пола, множа субкатегории по факту этничности, сексуальности и т.д. Под категорией гегемонической маскулинности Коннелл мыслит не свойство характера, а скорее *культурный образец*, своего рода доминирующий идеал, который лежит в основе практик пола (*doing gender*). Даже не будучи реализованной на практике, модель гегемонической маскулинности остается эффективным символическим средством осмысления существующих отношений власти между полами. Так, мужчина, в силу практических обстоятельств не способный исполнять роль кормильца жены и детей, тем не менее может выступать в защиту этой роли и даже считать себя таковым, воспроизводя тем самым гендерный порядок. Коннелл называет это "маскулинностью соучастников" [11, р. 79], подчеркивая одновременно зазор между культурным идеалом и повседневной реальностью и силу воздействия даже мало-реализуемого культурного образца. Решающим фактором институциональной поддержки таких конструкций реальности являются гомосоциальные сообщества, внутренняя солидарность которых способствует подкреплению и воспроизводству

чувства нормальности и в отношении индивидуальных представлений, и в отношении индивидуальных практик. В этом свете термин "хабитус" (опривыченное действие), предложенный Пьером Бурдьё, имеет глубокое эвристическое значение, поскольку он также претендует на сочетание измерений социальной структуры и социального действия с описанием бытия мужчины в противоречивой социальной практике.

Под *хабитусом* понимается не только *система* длительно сохраняемых диспозиций и способ производства стратегий, позволяющих встречать непредвиденные новые ситуации, но и *механизм воспроизводства социального неравенства*. В основе *хабитуса* лежит специфика социального положения. Акторы, характеризующиеся общностью социального положения, стремятся воспринимать социальные ситуации и действовать сходным образом, поскольку корреспондирующий с их социальным положением *хабитус* выступает "матрицей действия, восприятия и мышления" [7, р. 169]. Поскольку каждому социальному положению, по мнению Бурдьё, свойственен только один *хабитус*, то осуществляемая через него социальная ориентация означает одновременно и социальную дифференциацию. В итоге, *хабитус* является не нейтральным средством ориентации в обществе, а механизмом воспроизводства социального неравенства.

В позднейших работах о мужском господстве Бурдьё расширяет понятие *хабитуса*: "Хабитус производит социально гендеризованные конструкции мира и тела" [8, р. 167]. И далее: "Мужские и женские тела... воспринимаются и конструируются соразмерно практической схеме *хабитуса*" [8, р. 174]. Если подытожить позицию Бурдьё социологически, то она бы звучала следующим образом: социальное существование пола связано со специфическим *хабитусом*, который предполагает одни практики и исключает другие. В изложении Н. Шматко, "*хабитус* стремится устранить случайные обстоятельства из любой социальной ситуации, с которой он сталкивается, и переформулировать ее в задачу, принципом решения которой он располагает" [4, с. 559]. В этом смысле "*хабитус*" выступает в качестве инструмента этнометодологической концепции половых практик (*doing gender*), порождая различные перформативные формы и маскулинностей, и феминностей.

Понятие "*гендерного хабитуса*", возникшее из переноса категории П. Бурдьё на отношения полов, было углублено в ходе интерпретации эмпирических данных М. Мойзера, показавшего, что жизненные ситуации мужчин прежде всего отличаются тем, насколько у них выражено чувство *хабитусной* уверенности, безопасности [20, р. 108]. Концепция *маскулинного хабитуса* описывает, как мужское бытие производит себя в отличие от женского (измерение различий), а также, как возникает мужская доминантность в процессе производства различий (измерение неравенства).

Маскулинный хабитус проявляется во множестве форм: и как общая ответственность за благо семьи (глава семьи), и как физическое насилие, и как защита и охрана близких, и как гипермаскулинность типа Рэмбо или латинского мачо. Жизнь в соответствии с мужским *хабитусом* порождает чувство *хабитусной* уверенности, безопасности в рамках определенного социального порядка. Этот порядок сродни "основе повседневности" в понимании Гуссерля и отражен в словах-типизациях. Из *хабитусной* уверенности, по мнению Янинга, вытекает "осознанное согласие с *хабитусной* судьбой" [16, р. 31] как позитивно воспринимаемое принуждение. Когнитивными средствами поддержки *хабитусного* порядка - согласно этнометодологам, а также П. Бурдьё - являются стратегии нормализации: приведение к норме и отклонение ненормативного. Именно они обнаруживают коллективно разделяемое смысловое содержание *маскулинности* и требуют в качестве необходимого условия своей реализации существования гомосоциальной атмосферы мужских сообществ — спортивных клубов, компаний однополчан, земляков, гаражных обществ, курилок мужских туалетов и т.д. Гомосоциальность глубоко функциональна с точки зрения потребности в социальном пространстве, "свободном" от женщин, в рамках которого коллективно разделяемые смыслы мужской жизни типизируются и приобретают межличностную значимость. Гомосо-

циальность относительно автономна и гораздо более структурирована и иерархизирована, чем фемосоциальность. Может быть, поэтому имеет смысл говорить именно о *мужской* солидарности?

Итак, предпочтительной теоретической позицией для нас являются концепция гегемонической маскулинности Р. Коннелла, утверждающего множественность и иерархичность маскулинностей, формирующихся и поддерживаемых во взаимоотношениях с другим полом и собственно с мужчинами, а также следствия М. Мойзера из концепции хабитуса П. Бурдьё о чувстве хабитусной уверенности и безопасности. Вопрос в том, какие стратегии развивают социальные акторы в целях обеспечения хабитусной уверенности в условиях изменения социальных структур, обеспечивавших условия формирования и поддержания хабитуса?

Уровни эмпирического анализа маскулинности

Задача эмпирического изучения маскулинного хабитуса видится возможной на различных уровнях: количественном (репрезентативное исследование) и качественном (фокус-группа, биографии и другие). Первый из них - классический репрезентативный опрос, в рамках которого ставится целью обнаружение массовидных форм мужского социального поведения и стереотипного мнения мужчин относительно целого комплекса публично-приватной сферы.

В нашем исследовании середины 90-х годов о частной жизни в России было подтверждено на анализе семей (выборка состояла из 994 семейных пар), что среди российского населения распространены традиционные взгляды о биологической обусловленности разделения труда между мужчиной и женщиной [3].

В разделении домашнего труда по-прежнему имеет место феномен "отсутствующего отца", когда он есть в семье, но не принимает осязаемого участия в процессе социализации детей. (Ниже, на примере биографических исследований, мы увидим, что "отсутствие" не значит уклонение от отцовской роли, отцовская компетенция сложнее.) Удовлетворенность разделением труда между супругами существенным образом зависит от цикла развития семьи. В первые годы после рождения ребенка напряжение во всех сферах жизнедеятельности семьи наиболее высоко. С точки зрения принятия решений внутри семьи мужского доминирования в качестве главы семьи сегодня фактически уже нет. В целом, ситуация вполне традиционная: свое предназначение женщины видят в частной жизни, мужчины - в публичной, но удовлетворенность браком зависит от степени вовлеченности мужчины в семейные дела. Судя по эмпирике, традиционная роль мужчины, состоящая в добыче средств существования, воспроизводит те же правила семейной "игры" в кризисном обществе, как и в стабильном. Мужчина в семье только помогает женщине вести дела, но не берет их на себя. Однако при всех разногласиях три четверти супружеских пар удовлетворены разделением труда между супругами.

Эти данные конца 90-х "уплотняют" эмпирику более раннего сравнительного репрезентативного исследования по российской семье, на начальном этапе которого автор принимала участие [21]. По этим данным, между полами в России - буквально пропасть: мужчины стремятся приуменьшить, а женщины - преувеличить социальное и профессиональное влияние женщин. Для российских мужчин женщины являются в первую очередь объектами восхищения и источником эмоциональной поддержки, импульсом к жизни. Что отличает российских мужчин, особенно профессионально ориентированных, от других европейцев, так это более интенсивные отношения между собой, чем с женщинами. Эти отношения мужчин служат источником понимания и мотивации, профессиональной поддержки, но, с другой стороны, и потенциально конфликтны, соревновательны. Разделение небольшой подвыборки женатых мужчин-отцов на семейно и профессионально ориентированных выявило интересную особенность. Семейно ориентированные мужчины чувствуют себя нереализованными и ниже оценивают свои достижения, считают, что баланс семьи и работы им

не удался [1]. Вопрос генезиса этой неудовлетворенности остается "за бортом" вследствие ограниченности количественного подхода, дающего срез проблемы, но не ее происхождение. В целом, что важно подтвердить именно на репрезентативной выборке, высока рассогласованность ожиданий относительно женской роли как у мужчин, так и у женщин в российском обществе.

Как мы видели на примере предыдущего исследования, относительно мужской роли оба пола на редкость единодушны. Следовательно, гендерный контракт как некий культурный договор между полами в российском контексте довольно противоречив. Он закрепляет мужскую роль кормильца, но женская роль размыта и проблематизирована за счет отвоеванных не только идеологически, дискурсивно, но и на жизненной практике, свобод. Это может служить одной из причин наряду с макросоциальными изменениями в нашем обществе, которые провоцируют неуверенность маскулинного хабитуса.

Иной уровень исследования маскулинного хабитуса - анализ типизированных решений (мужских) проблем, т.е. реконструкция их толкования в собственной экзистенциальной ситуации. На наш взгляд, это адекватнее было проводить методом фокус-группы, поскольку теперь наш интерес направлен на реконструкцию *коллективного смыслового* содержания, и *коллективная* дискуссия дает к этому прямой доступ. Присутствие во время групповой дискуссии - т.е. присутствие Чужой/Женщины - заставляет членов группы формулировать свои опыты и позиции значительно сильнее и определеннее, нежели в привычных условиях повседневной интеракции *внутри* группы. Самое главное, что при такой организации дискуссии становится явным, артикулируется то "само собой разумеющееся" содержание, которое и раскрывает смысловой горизонт группы.

Еще одним важным условием организации групповой дискуссии - неслучайный подбор ее участников: мужчин в группе объединяет общая история интеракции и уже сложившаяся групповая динамика - со своими лидерами, аутсайдерами, внутренними экспертами и в меру молчащим большинством. Кроме того, характеристика группы - это и типика среды (*milieu*), понимаемая вслед за К. Маннгеймом как "продолженное пространство опыта" [19, р. 108]. Другими критериями являлись возраст и социально-профессиональная принадлежность. Возрастные границы охватывали период от 30 до 50 лет, что предполагало наличие образования, профессии и постоянного партнерства/брака. Социально-профессиональная идентификация первой группы связана со средним классом, техническим и экономическим высшим образованием, негосударственным сектором экономики. Вторая группа, привлеченная для обеспечения максимального контраста, состояла из представителей рабочего класса того же возрастного диапазона со средним/средне-техническим образованием. В ходе интерпретации данных вновь привлекались критерии максимального и минимального контраста, но уже на качественном материале - с целью реконструкции общего и различного и построения на их основе теоретических обобщений. Этот подход к анализу качественных данных отражен в известной "обоснованной" теории Глэзера и Страуса, а также Корбин [22].

Предварительное и самое общее структурирование групповых дискуссий было сфокусировано первым вопросом: "*Что значит для вас быть мужчиной?*". Вопрос воспринимался абсолютным большинством участников с большим недоумением и скепсисом, с подозрениями со стороны групповых "экспертов" в том, что смысл происходящего лежит вообще в другой плоскости. И это весьма оправданная общая реакция, если в основе ориентаций группы лежат традиционные маскулинные ценности, по отношению к которым не нужно занимать рефлексивной позиции, но конкретное прояснение которых в модернизированном социальном мире представляет колоссальную сложность и вызывает поэтому на первых порах реакцию раздражения.

Полученный в результате расшифровки текст дискуссии подлежал оценке с точки зрения коллективно разделяемого смысла. Содержание текста анализировалось

последовательно, отбирались интерактивно плотные пассажи со сравнением близких по смыслу и контрастных смысловых сюжетов, что в принципе отвечает идеям текстуального анализа, а также конверсационного и нарративного анализа. Возвращаясь к трудности ответа на вопрос о том, что значит для участников групповой дискуссии "быть мужчиной", важно отметить, как эта проблематика развивалась во времени. Сначала вопрос ставился под сомнение с точки зрения его адекватности. Затем члены группы констатировали, что различий между мужчинами и женщинами пред лицом общества нет. Далее разворачивались описания *взаимоотношений других*, знакомых мужчин и женщин в качестве модели, по поводу которой группа солидаризовалась в ее отклонении или приятии. И, что очень важно, уже на основе этих эмпирических картинок делался вывод, что на самом деле все - мужчины и женщины - очень разные. Этот момент выводит на основу валидизации, которую можно назвать "правдой жизни" и представляет результат коллективной работы членов группы.

Что же остается в "сухом остатке" групповой дискуссии (подробнее см. [2]), что наполняет содержание коллективно разделяемого маскулинного хабитуса?

- мужчине легче себя определить или позиционировать в отношении с женщинами, мужчина как таковой - загадочен и архаичен;

- жизненные миры мужчины и женщины разнятся "как две Вселенные";

- свое предназначение мужчины формулируют как чувство ответственности за близких/семью, что одновременно порождает иерархическую систему, в которой ответственность сопряжена с правом;

- современные трудности гендерной идентификации мужчины или маскулинного хабитуса сопряжены с хабитусной же неуверенностью, порождаемой проблематизацией роли добытчика-кормильца, а также возросшими гендерными ожиданиями со стороны женщины;

- гендерный контракт не имеет характер незыблемого, он подлежит пересмотру в повседневной практике взаимоотношения полов, что отзывается повышенным напряжением и фрустрациями в случае неоправданности ожиданий;

- наблюдается определенный кризис маскулинной идеологии, когда классические формулы не выдерживают проверки социальным временем, и концептуализация спускается на уровни, близкие социальной практике с ее прагматизмом и рациональностью ("ставить реальные цели");

- гомосексуальность играет чрезвычайно важную роль в коллективном построении баланса между коллективным маскулинным опытом и моделями объяснения в повседневности, то есть выработке стратегий нормализации по защите гендерного порядка.

Что касается итогов по фокус-группе с представителями рабочего класса, то здесь можно сделать следующие выводы:

- концепт маскулинности здесь строится на индивидуальном проекте умений и самостоятельности ("мужчина - это умелец"), но их приобретение требует гомосексуального воспитания и пребывания в суровых условиях и мужском сообществе;

- этот маскулинный хабитус тоже построен на традиционном ролевом каркасе, но в меньшей степени представляет собой "отношенческий" конструкт, его сердцевина менее зависит от переопределения социальной ситуации, в которую встроены гендерный контракт;

- здесь менее выражена хабитусная неуверенность от неисполнения маскулинной роли, меньше идеологии и метафизики по поводу изменившейся роли женщины;

- опыт малого по сравнению с женой заработка не приводит к фрустрациям перед лицом общей экзистенциальной неуверенности.

Резюмируя проведенное сравнение фокус-групп, отметим, что представители среднего класса (бывшая техническая интеллигенция) более, чем представители рабочего класса, склонны к идеологическим представлениям о предназначении женщины, нагруженным патриархатными стереотипами (вспомним данные репрезентативного

исследования о традиционности образованных и либеральности менее образованных). Именно отталкиваясь от них, делаются попытки формулировать смысл маскулинности: ответственность за семью и близких. Таким образом, это сложный реляционный комплекс, требующий для своего прояснения связи со значимыми другими, прежде всего женщинами. Идеологическая нагруженность и кризисное социальное время приводят к тому, что маскулинный хабитус из заданности превращается в задание, а маскулинная этика и фоновая практика пола принципиально не совпадают (хотя об этом предупреждал Коннелл). У представителей рабочего класса этот зазор явно меньше. Они менее склонны рассуждать об отношениях с женщинами вообще, о предназначении мужчины говорят в прагматичном ключе - как о решении конкретных задач выживания в трудное социальное время. Пожалуй, их маскулинный хабитус даже выглядит не таким патриархатным, как ожидалось от представителей традиционной гендерной культуры. Из этого вытекает, как это ни парадоксально, что представители среднего класса более склонны к сексизму и фрустрации относительно проблематизации мужской роли, чем представители рабочего класса. Из проведенного сравнения также можно сделать вывод, что угроза *хабитусной уверенности*, понимаемой как 1) уверенность по поводу своей позиции в семье; 2) формы, способы и содержание интеракций между мужчинами и женщинами, а также между мужчинами; 3) стратегии и формы самопрезентации, - становится реальной тогда, когда *собственные* действия воспринимаются мужчинами как имеющие специфическое половое ("мужское") содержание. Вопрос: "Смогу или не смогу *как мужик!*" актуализируется в ситуации социальных потерь, поскольку пол становится тем ресурсом, на основе которого выстраиваются стратегии выхода из семейного, профессионального и т.п. кризисов. Вероятно, маскулинная уверенность представителей рабочего класса и выглядит менее размытой благодаря устоявшейся гендерной культуре с ее традиционными когнитивными стратегиями нормализации, оказавшимися эффективными в условиях меняющегося социального порядка.

Наконец, иной подход на качественном уровне анализа маскулинного хабитуса заключается в биографической реконструкции пройденного жизненного пути. В отличие от коллективных толкований маскулинного хабитуса в процессе групповой дискуссии биографическое глубинное интервью дает возможность отследить индивидуальные процессы *doing gender* на анализе нарративно зафиксированных интеракций, отражающих события автобиографического рассказа. Описание социальных интеракций в поло-специфическом контексте и манифестирующих в нем жизненных практик, разумеется, не будет представлять репрезентативность данного типа поведения, но позволит воссоздать в темпоральном наслоении сменяющие друг друга траектории жизненного пути, контекстуализировать их и, возможно, связать с тем или иным маскулинным хабитусом конфигурацию жизненных практик.

В рамках биографического подхода на первый план выступает перспектива субъекта. Именно поэтому здесь равно важны как рефлексивность, переживание, опыт, так и категория социального действия.

В качестве примера рассмотрим одну биографию. Она тематизирует прежде всего мужскую доминантность и достижительность. Харизматический человек К., около 40 лет, имел достаточно власти, чтобы увлечь своими взглядами группу единомышленников и создать коллектив, внешне не отличающийся от других фирм, наводнивших рынок постсоветского времени. Внутренние взаимоотношения среди сотрудников, внутренние конвенциональные правила, рационализирующие работу - плод активности в первую очередь нашего рассказчика. Но самый большой интерес в этой жизненной истории вызывает приспособление ценностей гомосоциального сообщества к рыночной этике труда, а также вызревание и перераспределение частного пространства, которое происходило с 60-х годов в России. Герой нашего рассказа застает ту пору нашей культуры, которую принято называть шестидесятилетней - маленький островок свободы, зачастую ограниченный стенами кухни, но который утверждал (на уровне литературы ли, образа жизни, бардовской песни,

группового туризма и пр.) - альтернативный официальному дискурсу. То есть появилось пространство, альтернативное официальной публичности, но еще не равнозначное приватности. Посмотрим, как эти ценности трансформировались на протяжении жизни нашего рассказчика.

Его отец - железнодорожный инженер, мать - медсестра, обе ветви - из крестьян, с большой тягой "наверх". К., вспоминая себя застенчивым ребенком, отмечает "жесткое воспитание родителей", возлагавших на него большие надежды. *"Из меня пытались сделать более идеальное существо. Меня отдавали в английский, гимнастику; отец хотел, чтобы я одевался лучше, был недоволен, если я повторял какие-то ругательства, хотя все вокруг матерились; повторял: учиться надо, а то окажешься там, вместе с работягами, на улице"*. Мы находим очень важный момент маскулинной социализации, а именно проблематику наследования программирования в отношениях отец-сын. Рассматривая роль отцовского наследства, П. Бурдые видит в фигуре отца носителя и инструмент "проекта" по передаче унаследованных диспозиций, который в форме воспитательной активности обеспечивает преемственность рода [9, р. 84]. Идентификация сына с желанием отца фактически является частью социального порядка, нуждающегося в развитии. Проекция же нереализованных надежд, стремлений со стороны отца на сына вынуждает последнего к интернализации идеального Я-отца, но, тем самым, к отклонению или разрыву с отцом реальным. Здесь лежит, по мнению Бурдые, основная причина противоречий и страданий из-за разрыва между тем, чего взрослые дети достигли, и ожиданиями родителей, которые они не выполнили, но от которых они не отреклись. Возвращаясь к фрагменту биографии, нам важна здесь программа на превышение социального статуса отца с использованием классического социального лифта того времени - образования. Но психологическое следствие этой программы не замедлило сказаться.

"Я не мог найти стержень, смысл жизни. Мне повезло, в армию тогда не взяли. Структурировался я через другое, связался с братьями-путешественниками. Начал ходить в походы, это была моя отдушина, мой мир. Тогда и снаряжение сами изготавливали. Первое путешествие было в Забайкалье, сплавились по реке. С друзьями познакомился, появился другой круг общения. Эти походы давали уверенность в себе, силу. В общем, я успокоился, у меня ушел максимализм, претензии к людям".

В этой последовательности тематизируется значимый фактор мужской социализации - гомосоциальность. Есть даже намек на нежелательные виды гомогенных маскулинных сообществ, к числу которых принадлежит и армия. В отличие от армейской жесткой иерархии туристское сообщество выстраивало коммуникацию другого стиля, воспитывало маскулинные ценности силы, достижительности, товарищества. В итоге складывается альтернативная ниша - "походы".

"... Год проработал в Институте физики, хороший институт, интересная работа и свободный график - можно было 4 раза в году путешествовать.... Но начались новые времена... Мы начали как бы чуть-чуть заниматься коммерцией. Что-то делать и продавать. Начали делать туристское снаряжение. Что мы могли еще делать? То, что нам было интересно. Потом поняли, что работать в двух местах невозможно. Свою контору открыли, делали катамараны, средства сплава, потом запустили швейный цех и стали шить камуфляжную одежду. У нас качественная продукция и низкие цены, что позволяет нам держаться на рынке..."

Таким образом, поиски смысла жизни для К., выстраивание маскулинности близкого ему типа, "обретение стержня", его словами, завершились его самоидентификацией с группой туристов, вернее, теми групповыми ценностями, которые стоят за "туристским образом жизни. Но если для поколения 60-х эта ниша скорее духовная, компенсация и дополнение к профессиональной жизни, где люди делали карьеры, удовлетворяли амбиции, играли в большие и малые игры с властью, то К. как **представитель** последующих генераций, более радикален в своем стремлении успевать

за переменами (не забудем его отцовскую программу). Работа еще обслуживает досуг, а не досуг дает отдых, релаксацию после работы. Таковы были начала. И он вместе с товарищами удачно "конвертирует" умения, приобретенные на досуге, в коммерческий продукт, сохраняя при этом привычные регулярные походы.

Соответственно, ценности и человеческие качества (близкие к этосу маскулинного сообщества: взаимовыручка, надежность, лояльность, проверенность в сложных ситуациях), прошедшие отбор в походах туристов, клялись в основу кадрового отбора для этой фирмы - детища К. и его единомышленников.

"Все оттуда пошло... Мы набрали туристов. А туризм - большая кузница кадров. Это тот пласт людей, которым была нужна внутренняя свобода, и он породил людей непритязательных, с повышенной жизнеспособностью, выносливостью, целеустремленностью. Но мы их уже всех выбрали (в смысле исчерпали) и не можем сейчас набрать по конкурсу".

Но ситуация на фирме не осталась герметичной, и взаимоотношения в коллективе, как и взгляды К., подверглись эрозии, вызванной как экономическими влияниями, так и развертыванием маскулинной динамики доминантности/авторитарности.

"В принципе я знал, что очень опасно приглашать на работу близких людей, друзей... У нас была однажды проблема с близким другом - не сработались. Так и разошлись. Мне кажется, он просто поменялся. Зачастую люди в работе и на отдыхе разные. Если я чувствую, что человек любит работу, я многое ему прощу, потому что мы на этой почве в контакте..."

Из последних приведенных фраз манифестируется новое социальное содержание, новые смыслы, порожденные российской рыночной реальностью. При всем стремлении удерживать на плаву климат друзей-единомышленников, К. в первую очередь совладелец-директор фирмы, озабоченный ее процветанием. Это заставляет его взглянуть иначе на формальные - неформальные отношения. Прежние "кореша" уже могут не устраивать, если на работе они не показывают должного рвения. Значимость профессионализма и трудовой мотивации, став востребованными, вновь вернулись на свои места, а досуг - на место досуга.

"Было мудро решено в свое время - дележка зарплаты, даже учредителям - все было отдано мне на откуп. Никто не знает толком, кто, сколько, чего. Мы решили, что пусть будет один человек, и он один решает. Я предложил такую схему и все согласились..."

Здесь очень интересно подана идея авторитарного руководства, упакованная в коллективистские ценности. Персонифицированное "я" возникает только в конце и с целью продемонстрировать лишь внешний толчок общему решению. В действительности фоновая практика являет собой пример единоличного решения одного из самых острых - денежного вопроса. Интересно то, что схватывается процессуальность изменений: туристские коллективистские нормы еще воспринимаются как ценность, но одновременно в недрах практики вызревают другие рациональности, отвечающие рыночным потребностям, и другие маскулинности, уже не чуждые иерархии. В данном случае демократически подготовленное делегирование полномочий и ответственности не имеет обратного хода.

Мужская идентификация К. приобретает более четкие очертания в бинарной оппозиции к женской идентичности. Его отношения с женой строились в период его малых заработков по "принципу доверия": *"Это же вопрос доверия и приятия другого человека"*. Он не чувствовал себя неудачником. В те времена его жена расписывала и продавала на уличном вернисаже матрешки.

"Тема разборок не стояла. Я просто постоянно работал. Что-то куда-то двигалось..."

Выделенный фрагмент интересен своей бессубъектностью. Этот лексический прием позволяет рассказчику упомянуть проблематичный жизненный опыт, избегая местоимений, уклоняясь от оценок. Тем не менее, такая гибкость в отношении полоролевых

ожиданий, способность перераспределять ответственность в тяжелые для семьи времена не мешают К. придерживаться сугубо традиционных взглядов на предназначение мужчины и женщины. Выход на стереотипное определение гендерного контракта стало возможным, когда закончилось время хабитусной неуверенности, когда рассказчик вернул себе привычный маскулинный хабитус, сопряженный с ролью кормильца, зарабатывающего основные деньги в семье.

"Самое конечное предназначение женщины — домашнее хозяйство. Мужчина - он в вечном поиске, чтобы творчески реализовать в жизни, - там, бизнесмены, разведчики, творцы. А женщина творчески реализуется через детей, через материнство. Мы уже как разведчики, а женщина собирает больше, сохраняет, она более структурирована, закрепляет то, что нарабатывает мужчина".

Таким образом, гендерное сознание К. достаточно противоречиво. Жизнь ему демонстрирует способность женщины перенимать роль кормильца семьи (в массовом сознании - мужской феномен), а на уровне мировоззрения эта конкретная жизненная практика обесценивается, рассматривается как "ошибка", отклонение от настоящего предназначения женщины. Но, возможно, это противоречие - лишь в синхроническом плане. В диахроническом изменении эти модели объяснения соответствуют различным траекториям (восходящим, нисходящим, стагнирующим) жизненного пути мужчины и различным модусам маскулинного хабитуса, который является частью хабитуса социального и несет на себе печать изменений вместе с эпохами перемен.

В заключение отметим, что количественный и качественный подходы к реконструкции маскулинности дополняют друг друга в общем выводе: этот феномен множественен, стабилен на уровне стереотипного сознания, изменчив на уровне жизненных практик. Содержательно анализ маскулинности в российском контексте оставляет актуальным патриархатный культурный код, построенный на принципе бинарных оппозиций (свой - чужой; начальник - подчиненный; глава семьи - домохозяйка; кормилец - иждивенцы и т.д.). Альтернативные жизненные практики размещаются на "низших этажах" господствующего дискурса при всем многообразии жизненных стратегий. Но в целом российская патриархатная культурная система носит устойчивое и трудно трансформируемое системное качество. Вероятно и борьба инноваций в этом поле будет идти не по линии слома традиционного типа гендерного сознания, а постепенного вычленения сложных автономных структур, обладающих большой степенью культурной самостоятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян М., Здравомыслова О. Русские семьи: стратегии выживания/ Семья в России. 1995. № 3-4. С. 88-100.
2. Мещеркина Е. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса. СБ. О муже(N)ственности. Сост. Ушакин С. М.: Новое литобозрение, 2002. С. 268-287.
3. Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М., Мещеркина Е., Писклакова М. Окно в частную русскую жизнь. М.: Академия, 1999.
4. Шматко Н. Послесловие. На пути к практической теории практики./ Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
5. Bosse H. Der fremde Mann. Frankfurt a. Main, 1994.
6. Brittan A. Masculinity and Power. Oxford-New York, 1989.
7. Bourdieu P. Entwurf einer Theorie der Praxis auf der ethnologischen Grundlage der kabyliischen Gesellschaft. Frankfurt a.M., 1979.
8. Bourdieu P. Die maennliche Herrschaft. / Doelling I., Krais B. Ein alltaegliches Spiel Geschlechterkonstruktion in der sozialen Praxis. Frankfurt a.M., 1997. P. 153-217.
9. Bourdieu P. Das vaeterliche Erbe. Probleme der Vater-Sohn-Beziehung. / Bosse H., King V. (Hg) Maennlichkeitsentwurfe. Wandlungen und Widerstaende im Geschlechterverhaeltniss. Frankfurt-New York, 2000. S. 83-91.
10. Connell R.W. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge, 1987.

11. *Connell R.W.* Masculinities, Cambridge-Oxford, 1995.
12. *Connell R.W.* Maenner und Maennlichkeit. / Bosse H., King V. (Hg) Maennlichkeitsentwuerfc. Wandlungen und Widerstaende im Geschlechterverhaeltniss. Frankfurt-New York, 2000. S. 17-28.
13. *Hearn J.* The Gender of Oppression. Men, Masculinity and the Critique of Marxism. Brighton, 1987.
14. *Herdt G.* Rituals of Manhood: male Initiation in Papua New Guinea. Berkeley, 1982.
15. *Heward C.* Making a Man of Him: parents and their Son's Education at an English Public School 1929-1950. London, 1988.
16. *Janning F. P.* Bourdieus Theorie der Praxis. Analyse und Kritik der konzeptionellen Grundlegung einer praxcologischen Soziologie. Frankfurt, 1991.
17. *Kaufmann M.* Men, Feminism and Men's Contradictory Experiences of Power / Brod, H./Kaufmann, N.: Theorizing Masculinities. Thousand Oaks, 1994. P. 142-163.
18. *Klein A.M.* Little Big. Men: Bodybuilding Subculture and Gender Construction. Albany, 1993.
19. *Mannheim K.* Wissenssoziologie. Neuwied-Berlin, 1970.
20. *Meuser M.* Geschlecht und Maennlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster. Opladen, 1998.
21. *Sass J., Jaeckel M.* (Hrsg.) Leben mit Kindern in einer veraenderten Welt. Einstellungen und Lebensplanung von Item im Ost-West-Vergleich. Muenchen, 1996.
22. *Strauss A., Corbin J.* Basics of Qualitative Research Grounded Theory Procedure and Techniques. Newbury Par, 1990.